

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.195.2.081-090

Н. В. Спесивов*

От фантастических теорий к объективной реальности: есть ли будущее у искусственного интеллекта и предиктивных технологий при отправлении правосудия по уголовным делам?

Аннотация. Цифровизация различных сфер общественных отношений, в том числе их правового регулирования, в последнее время стала чем-то вроде «притчи во языцех». Не один десяток работ, многие из которых носят достаточно фундаментальный характер, затрагивает проблемы цифрового развития права в целом и уголовно-процессуального в частности. Однако сложно отрицать, что вопросы влияния искусственного интеллекта на развитие правосудия стали предметом широкого обсуждения сравнительно недавно. Что касается предиктивных технологий, то работ российских ученых-правоведов, их изучающих, найдется во много раз меньше, нежели в зарубежных государствах. В основном правосубъектность искусственного интеллекта воспринимается как нечто негативное, хотя вовсе отрицать идеи постепенного проникновения данной высокой технологии в правовую действительность было бы неправильно. Данное исследование является попыткой автора поучаствовать в дискуссии о допустимости применения предиктивных технологий и искусственного интеллекта при отправлении правосудия по уголовным делам.

В работе обосновывается тезис, что стремительная цифровизация в сфере отправления правосудия по уголовным делам не должна идти вопреки реализации права на доступ к правосудию граждан, а должна служить важным средством достижения транспарентности уголовного процесса.

Опираясь на базовые постулаты построения российского уголовного процесса, автор критически осмысливает место искусственного интеллекта и предиктивных технологий с позиций вспомогательных элементов или полноценной замены судьи-человека, рассуждает о поиске оптимального баланса их применения в целях повышения качества правосудия по уголовным делам. Несмотря на определенную консервативность уголовного процесса и кажущийся сюрреализм размышлений о полноценном сосуществовании уголовного правосудия с предиктивными технологиями и искусственным интеллектом, автор считает это направление весьма перспективным, требующим дальнейшего изучения и осмысления во благо развития человека, общества и государства.

Ключевые слова: уголовный процесс; правосудие; право на доступ к правосудию; цифровизация; искусственный интеллект; предиктивные технологии.

Для цитирования: Спесивов Н. В. От фантастических теорий к объективной реальности: есть ли будущее у искусственного интеллекта и предиктивных технологий при отправлении правосудия по уголовным делам? // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 2. — С. 81–90. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.195.2.081-090.

© Спесивов Н. В., 2023

* Спесивов Никита Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, директор Института прокуратуры, доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии (СГЮА)

Вольская ул., д. 1, г. Саратов, Россия, 410056
nikita_spesivov@bk.ru

From Fantastic Theories to Objective Reality: Is there Future for Artificial Intelligence and Predictive Technologies in Administration of Criminal Justice?

Nikita V. Spesivov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Director of the Institute of Prosecutor's Office; Associate Professor, Department of Criminal Procedure, Saratov State Law Academy (SSLA)
ul. Volskaya, d. 1, Saratov, Russia, 410056
nikita_spesivov@bk.ru

Abstract. Digitalization of various spheres of public relations, including their legal regulation, has recently become the talk of the town. More than a dozen works, many of which are of a rather fundamental nature, address the problems of digital development of law in general and criminal procedure in particular. However, it is difficult to deny that the issues of the influence of artificial intelligence on the development of justice have become the subject of widespread discussion relatively recently. As for predictive technologies, in comparison with foreign countries, there are many times fewer works of Russian legal researchers studying the issues under consideration. Basically, the legal personality of artificial intelligence is perceived as something negative, although it would be wrong to completely deny the idea of gradual penetration of this high technology into legal reality.

The study attempts to participate in the discussion concerning admissibility of the use of predictive technologies and artificial intelligence in the administration of justice in criminal cases.

The paper substantiates the thesis that rapid digitalization in the field of criminal justice should not go against implementation of the citizens' right to access justice, but should serve as an important means of achieving transparency of the criminal process.

Based on the basic postulates of the construction of the Russian criminal process, the author critically comprehends the place of artificial intelligence and predictive technologies from the standpoint of auxiliary elements or a full-fledged replacement of a human judge, discusses the search for an optimal balance of their application in order to improve the quality of justice in criminal cases. Despite certain conservatism of the criminal process and the seeming surrealism of thinking about full-fledged coexistence of criminal justice with predictive technologies and artificial intelligence, the author considers this direction to be very promising, requiring further study and reflection for the benefit of human development, society and the state.

Keywords: criminal procedure; justice; right to access to justice; digitalization; artificial intelligence; predictive technologies.

Cite as: Spesivov NV. Ot fantasticheskikh teoriy k obektivnoy realnosti: est li budushchee u iskusstvennogo intellekta i prediktivnykh tekhnologiy pri otpravlenii pravosudiya po ugovolnym delam? [From Fantastic Theories to Objective Reality: Is there Future for Artificial Intelligence and Predictive Technologies in Administration of Criminal Justice?]. *Lex russica*. 2023;76(2):81-90. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.195.2.081-090. (In Russ., abstract in Eng.).

Пожалуй, наиболее популярной в юридической науке темой последних нескольких лет является цифровая трансформация правоотношений. Не обошли данные тенденции и уголовно-процессуальную сферу, которая, например, в сравнении с гражданско-процессуальной, считается более консервативной и менее восприимчивой к различного рода изменениям. Однако пандемия новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) во многом заставила меняться практически все сферы жизнедеятельности, в том числе правоотношения в сфере уголовного судопроизводства.

Еще одной популярной тенденцией уголовного процесса является реализация права на доступ к правосудию. Заслуживает внимания предложенная коллективом авторов под редакцией профессора Л. Н. Масленниковой концепция о «смене парадигмы доступа к правосудию в уголовном судопроизводстве, которая будет в большей степени соответствовать конституционной обязанности государства обеспечить доступ к правосудию»¹. Тем самым идея открытого и доступного правосудия укладывается в общую концепцию транспарентности российского государства в целом и правосудия в част-

¹ См. подробнее: Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий (ГАС «Доступ к правосудию») : монография / отв. ред. Л. Н. Масленникова. М. : Норма: Инфра-М, 2022. 664 с.

ности, однако поиск баланса интересов его участников, государства и общества является актуальным и сложным. Это объясняется тем, что идея транспарентности уголовного судопроизводства и решаемая государством задача по установлению контроля над преступностью в известной степени противоречат друг другу. Но установление такого баланса позволит синхронизировать интересы общества с интересами государства в лице компетентных органов, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Собственно, в этих моментах цифровизация и транспарентность как нельзя кстати друг друга дополняют и их взаимопересечение выглядит очень даже привлекательно.

Таким образом, цифровизация уголовного судопроизводства в целом и внедрение отдельных цифровых технологий при отправлении правосудия по уголовным делам в частности выступают важным элементом, средством достижения транспарентного (открытого, справедливого, доступного) уголовного процесса.

В рамках данной статьи нам бы хотелось рассмотреть довольно сложный, но одновременно интересный и недостаточно изученный в науке уголовного процесса вопрос, посвященный набирающим популярность в зарубежных странах (правда, по большей части в рамках разрешения гражданско-правовых споров) так называемым предиктивным технологиям и возможности использования искусственного интеллекта при отправлении правосудия по уголовным делам.

Своеобразным яблоком раздора в развернувшейся среди юридического сообщества дискуссии является вопрос о возможности использования искусственного интеллекта в рамках уголовного судопроизводства в процессе доказывания и отправлении правосудия как полноценного инструмента или даже субъекта.

Зарождение понятия «искусственный интеллект» связывают с английским математиком Аланом Тьюрингом, который в 1930-е гг. предложил абстрактную вычислительную машину в целях формализации выработки алгоритмов.

В Российской Федерации серьезной вехой в огосударствлении искусственного интеллекта стало издание Указа Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного

интеллекта в Российской Федерации»², на основании которого реализуется Федеральный проект «Искусственный интеллект». Его задачами являются создание условий для использования предприятиями и гражданами продуктов и услуг, основанных на отечественных технологиях искусственного интеллекта, обеспечивающих качественно новый уровень эффективности в различных сферах деятельности.

Для сферы правосудия особое значение имеет Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях³. Именно в ней сформулированы принципы применения искусственного интеллекта.

Законодательным ограничителем применения искусственного интеллекта при отправлении правосудия выступает базовый уголовно-процессуальный принцип свободы оценки доказательств, обязывающий субъектов доказывания по уголовным делам руководствоваться своим внутренним убеждением, основанным на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, законом и совестью. Сможет ли когда-нибудь искусственный интеллект руководствоваться внутренним убеждением и совестью? Вопрос, лежащий на данный момент в компетентностной плоскости скорее не юриста, а философа-футуролога.

Однако с появлением цифровых двойников, персональных цифровых помощников, беспилотного транспорта и прочих, казалось бы, еще вчера фантастических явлений сложно утверждать, что это никак не затронет сферу правосудия, ведь всё чаще мы начинаем думать о цифровых аналогах как о полноценных субъектах, пусть пока еще и не участниках общественных отношений. Но так ли далек этот горизонт?

Вне всяких сомнений, размышления об искусственном интеллекте в правосудии приобретают иную коннотацию, когда речь заходит о защите от так называемого человеческого фактора как когнитивного искажения, свойственного практически любому человеку, даже умудренному опытом и сверхпрофессионализмом, но все равно обладающему своей точкой зрения и набором убеждений (нравственных и профессионально деформированных).

² СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

³ Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях (принята на 31-м пленарном заседании ЕКЭП (Страсбург, 3–4 декабря 2018 г.) // URL: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4> (дата обращения: 15.09.2022).

По мнению В. В. Момотова, «такая технология может рассматриваться в качестве помощника судьи, но не его замены. Судьба человека не может быть в руках бездушного робота-интеллектуала»⁴.

Соглашаясь с данной позицией, нельзя еще раз не упомянуть о таком нюансе, как человеческий фактор. Справедливо и другое утверждение, находящее отклик у многих исследователей, что когнитивные возможности и предрассудки судьи-человека не могут отвечать высоким эталонам отправления правосудия⁵. Сложно отрицать взаимосвязь личностных характеристик судьи-человека при осуществлении профессиональной деятельности и его поведения. Как бы то ни было, велико влияние внешних иррациональных факторов, таких как усталость, настроение, домашние проблемы, личностные симпатии и антипатии и др. В науке существует ряд исследований, которые показывают связь принимаемых судьями решений со временем суток или приемом пищи⁶. В противовес данным факторам уровень объективности судьи-робота выглядит безусловно выигранным.

К тому же на уровне государства это не просто высокопарные слова, а конкретная официальная Концепция развития технологий машиночитаемого права, утвержденная 15 сентября 2021 г. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности. Одной из задач Концепции обозначены выработка и тестирование технологических подходов к решению задач представления норм с помощью формальных

языков, включая тестирование интеллектуальных систем, способных с помощью таких норм решать правовые задачи, а также автоматически осуществлять мониторинг своего состояния с сообщением о рисках нарушения прав субъектов правоотношений при работе системы⁷.

Еще одним доводом, отвечающим принципу обеспечения единства судебной практики, может послужить тезис, согласно которому алгоритмы обработки огромного массива судебных решений в максимально короткое время открывают возможности для гармонизации и в некотором роде стандартизации судебной практики по сходным делам⁸. Безусловно, при таком подходе правосудие будет более чем открыто и объективно, но в этом ли заключается его доступность?

Говоря об уголовном правосудии, безусловно с оговоркой и держа в уме дальний горизонт стратегического планирования, всё же позволим себе остаться при мнении, что отправление правосудия по уголовным делам с использованием искусственного интеллекта связано с чрезмерно высокими рисками, в связи с чем «автоматизация» в чистом виде и, как следствие, предиктивное уголовное правосудие реализовано быть не может. Как верно отмечает Е. В. Марковичева, «вектор научной дискуссии должен быть смещен на анализ наиболее рациональных механизмов такой модернизации. При этом должно быть понимание, как те или иные технологии повлияют на сущностные стороны уголовного процесса, например на общие условия судебного разбирательства»⁹.

В российском правовом поле легального определения предиктивного правосудия не содержится, в связи с чем следует обратиться к

⁴ Момотов В. В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 188–191.

⁵ См.: Épineuse H., Garapon A. Les défis d'une justice à l'ère numérique de «stade 3» // Enjeux numériques. 2018. № 3. P. 17.

⁶ См.: Larret-Chahine L. L'éthique de la justice prédictive // Enjeux numériques. 2018. № 3. P. 91 ; Hubert M. Les algorithmes prédictifs au service du juge: vers une déshumanisation de la justice pénale? Regards critiques de juges d'instruction // Faculté de droit et de criminologie, Université catholique de Louvain. 2020. P. 50–51 ; Гасанова Ш. Ш., Сулейманов Д. И. Искусственный интеллект и судопроизводство: проблемы и тенденции // Juridical Science and Education. 2022. № 66. С. 47.

⁷ Концепция развития технологий машиночитаемого права (утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 № 31 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.10.2022).

⁸ Hubert M. Op. cit. P. 63.

⁹ Марковичева Е. В. Цифровая трансформация российского уголовного судопроизводства // Правосудие/Justice. 2020. Т. 2. № 3. С. 95.

зарубежным исследователям для разьяснения сущности данного феномена. Так, профессор университета Сорбонны В. Dondero говорит о предиктивном правосудии как наборе инструментов, разработанных на основе анализа больших данных, которые с применением аналитического расчета вероятности предсказывают исход спора¹⁰. Таким образом, уже можно констатировать сущностную несовместимость уголовного процесса и предиктивного правосудия, поскольку в основе уголовно-процессуального доказывания лежит ретроспективная логика, когда судья устанавливает факты прошлого, а не прогнозирует будущее.

Кроме того, в основе алгоритмизации как основной составляющей предиктивного правосудия лежит количественный критерий, а не качественный. Как мы уже рассуждали ранее, перевести в цифровой критерий для искусственного интеллекта такие понятия, как «добросовестность», «честность», «примерный семьянин», пока невозможно. Это, в свою очередь, идет вразрез с другим важнейшим началом уголовного судопроизводства — его справедливостью. Ведь в выборку для анализа машиной будет попадать основной массив решений, многие из которых обжалуются в вышестоящие инстанции, а даже если не обжалуются, то каков критерий качества таких решений и как определить его гарантии и критерии?

В связи с этим, на наш взгляд, в уголовном процессе нужно рассуждать не об эффективности уголовного судопроизводства в целом и правосудия в частности, а об их качестве, гарантиях и критериях такого качества, которых, повторимся, не сформулировано, что мы видим важной задачей, хотя и трудно реализуемой.

Применение искусственного интеллекта возможно только в тех сферах, где возможна и необходима формализация процессов. Запрограммировать можно лишь то, что подлежит формализации¹¹. Без создания алгоритма искусственный интеллект не способен функционировать, а следовательно, без участия человека его деятельность на данном этапе развития невозможна.

Таким образом, первым аспектом применения искусственного интеллекта в уголовном

процессе является оптимизация организационно-правовой составляющей уголовно-процессуальной деятельности.

Вторым аспектом применения искусственного интеллекта в правосудии по уголовным делам может стать его прогностическое назначение. Как мы уже говорили, работа искусственного интеллекта связана с алгоритмами и большими данными (банк судебных решений и судебная статистика). Здесь искусственный интеллект может оказать консультативную помощь суду при решении вопроса о виде и мере наказания, которое необходимо назначить виновному лицу, однако самостоятельно решить данный вопрос он не способен ввиду ограниченных возможностей восприятия ряда обстоятельств с точки зрения совести и морали.

В этой связи особенно актуальным направлением, наряду с развитием систем искусственного интеллекта, предполагается разработка гарантий соблюдения принципа независимости судей при принятии ими решений по уголовным делам в таком формате.

Многими авторами высказываются справедливые мнения, что использование искусственного интеллекта при рассмотрении и разрешении уголовных дел таит опасность сделать человека, его права и свободы уязвимыми, а само правосудие бесчеловечным и формальным.

В связи с этим трудно согласиться с мнением А. Ю. Афанасьева, который считает, что реализация функций систем искусственного интеллекта «должна быть направлена именно на доказывание по уголовному делу и принятие уголовно-процессуальных решений. Экспертные системы могут быть вполне успешно использованы в процессе доказывания и принятия решений. Ключевыми задачами, выполняемыми с помощью таких систем, могут выступить: определение возможных направлений расследования (формирование версий о событиях с учетом, по возможности, различных источников получения информации), выбор наиболее вероятных направлений; предоставление пользователю рекомендаций относительно дальнейших действий (назначение экспертиз, проведение оперативно-поисковых мероприятий, проверочные и следственные действия и т.д.)»¹².

¹⁰ См.: Dondero В. Justice prédictive : la fin de l'aléa judiciaire? // Recueil Dalloz. 2017. № 10. P. 532.

¹¹ Малина М. А. Цифровизация российского уголовного процесса: искусственный интеллект для следователя или вместо следователя // Российский следователь. 2021. № 2. С. 29–32.

¹² Афанасьев А. Ю. Искусственный интеллект в уголовном процессе // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 571–574.

Безусловно, деятельность искусственного интеллекта может быть направлена на доказывание по уголовному делу, однако прерогатива принимать процессуальное решение должна остаться за должностным лицом, осуществляющим уголовное судопроизводство. Искусственный интеллект может предложить ряд версий события с учетом имеющихся данных, наиболее эффективный порядок проведения следственных действий, однако последнее слово должно оставаться за человеком, поскольку, как мы убедились, субъект уголовно-процессуальных отношений имеет как права, так и обязанности, за несоблюдение которых наступает ответственность. В свою очередь, у искусственного интеллекта обязанностей нет, и никакую ответственность за неправильное принятое решение он нести не будет.

Однако и здесь возникает опасность некой стагнации. Право — динамически развивающаяся отрасль. И это развитие происходит нелинейно, под влиянием множества факторов, заложить которые в исчерпывающем ключе в алгоритмы не представляется возможным. На наш взгляд, упомянутая Концепция развития технологий машиночитаемого права не преследует цели сделать право машиночитаемым в чистом виде, поскольку это сделает его невосприимчивым к социально-экономическим и иным изменениям человека и общества.

Стерилизация судебной практики может привести к исчезновению ее разнообразия, поскольку исключительная рациональность искусственного интеллекта быстро достигнет предела его развития, что превратит важнейшее свойство приговора — его мотивированность — в простую имитацию, так как приговор будет основан на чистом совпадении с определенными алгоритмами.

Не считаем возможным согласиться с авторами, утверждающими, что несомненным плюсом предиктивного правосудия является укрепление уверенности судьи в том, что статистическое большинство судей поступало в сходном (условно!) случае так, как он намеревается

поступить с находящимся в его производстве деле, что разгружает судебную систему и ускоряет рассмотрение дела¹³.

Да, в их работах в основном речь шла о цивилистическом процессе. Несмотря на то что применение предиктивных технологий в правосудии и в рамках разрешения рассматриваемой ими категорий дел в таких целях вызывает вопросы, склонны утверждать, что для правосудия по уголовным делам такой подход не может найти точек соприкосновения с базовыми началами и сущностью уголовного судопроизводства. Тем самым происходит «жертвоприношение» важнейших отправных начал уголовного процесса в виде свободы оценки доказательств, состязательности, диспозитивности и справедливости во имя процессуальной экономии. Этого быть не должно!

Так или иначе, предиктивное правосудие приводит к однотипности судебных решений, что уже не является правосудием в чистом, многогранном его проявлении, поскольку нарушает баланс права на доступ к правосудию, равенства всех перед законом и судом и, как следствие, справедливости¹⁴.

Таким образом, хотя искусственный интеллект и внедряется в уголовно-процессуальные правоотношения, вместе с тем он не является самостоятельным субъектом таких отношений. Он представляет собой вспомогательный механизм, упрощающий работу субъекта, но никак не заменяющий его.

Одним из основных принципов цифровизации и развития систем искусственного интеллекта в Российской Федерации является создание и функционирование таких систем на основе отечественного программного обеспечения. Это представляется особенно важным ввиду необходимости защиты персональных данных российских граждан, собираемых в ходе производства по уголовному делу.

Однако нельзя не брать во внимание социально-экономический фактор такой цифровой трансформации. Не секрет, что общий уровень цифровой оснащенности инфраструктуры госу-

¹³ *Geens K.* Ce n'est pas demain la veille qu'un ordinateur décidera de la peine d'un prévenu // URL: <https://www.koengeens.be/fr/news/2017/10/19/ce-n-est-pas-demain-la-veille-qu-un-ordinateur-deciderade-la-peine-d-un-prevenu> (дата обращения: 16.10.2022) ; *Годфруа Л.* Алгоритмические модели анализа судебных решений (MAAD) // Государственная служба. 2021. № 4 (132). С. 22 ; *Альбов А. П.* Цифровые технологии в современной правоприменительной практике // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2022. № 2 (65). С. 14.

¹⁴ См.: *Приходько С. О., Калашникова Е. Б.* Цифровизация судебной системы // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего. 2020. № 1. С. 99–103.

дарственных учреждений, правоохранительных органов и судов, а вместе с тем и цифровой грамотности населения довольно низкий. Согласно докладу Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, основанному на данных Росстата по состоянию на 15 сентября 2022 г., вынужденный перевод социальных сфер оказания услуг в виртуальную среду, вызванный пандемией, положительно сказался на повышении показателя владения цифровыми навыками среди населения. Так, за 2019–2021 гг. возросла доля активных пользователей Интернета с 77,5 до 83,4 %. Причем этот показатель заметно вырос среди пожилого населения: в возрасте 55–64 лет с 67,4 до 81,1 %; в возрасте 65–74 лет с 39,5 до 52,9 %¹⁵. Однако следует подчеркнуть, что в целом по Российской Федерации в региональном и возрастном разрезе уровень цифровой эксклюзии остается достаточно высоким. Как констатировали исследователи, «активизация использования Интернета и цифровых устройств в период пандемии COVID-19 не повлекла за собой заметного развития цифровых навыков населения»¹⁶. Количество респондентов, владеющих цифровыми навыками хотя бы на базовом уровне, практически не изменилось: 37,8 % в 2021 г. против 36,4 % в 2019 г. На довольно низком уровне находятся навыки работы с ПО, онлайн-сервисами. Также увеличился разрыв в уровне владения такими навыками между молодежью и старшими возрастными группами. Это происходит в связи с ограниченным спросом, который во многом связан с отсутствием должного качества таких услуг в повседневной жизни вне пределов мегаполисов.

В связи с этим форсирование темпов цифровизации в сфере отправления правосудия по уголовным делам ни в коем случае не должно служить препятствием реализации права на доступ к правосудию всех граждан.

Принятие решений искусственным интеллектом в целом и применение предиктивных технологий в частности может войти в конфликт с такой не менее важной составляющей права на доступ к правосудию, как доверие к правосудию. Укрепление авторитета судебной власти, беспристрастности и независимости судьи, су-

ществование института присяжных заседателей формируют у граждан уверенность в возможности добиться справедливости, быть услышанными и в какой-то степени защищенными не только буквой закона, но и судьей как справедливым гарантом их прав и свобод. Такой подход несет в себе и важнейшее воспитательно-профилактическое воздействие на общество, в том числе в уголовно-процессуальной сфере.

Как мы уже упоминали ранее, цифровые навыки, а значит, и доверие граждан к высокотехнологичной составляющей нашей жизни находятся на довольно низком уровне. Справедливое правосудие базируется на положениях ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой именно процессуальная форма является важнейшим гарантом справедливых основ правосудия. Поэтому только суд, руководствуясь законом и совестью, по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, при всестороннем, полном, объективном и непосредственном рассмотрении дела может принять законное, обоснованное, мотивированное и справедливое решение в уголовном процессе. Такая дискреционность в деятельности суда первична, поскольку способствует реализации базовых начал отправления правосудия по уголовным делам.

Вместе с тем использование искусственного интеллекта в качестве основного или вспомогательного элемента принятия решений при отправлении правосудия по уголовным делам, как уже отмечалось ранее, является спорным вопросом. Ведь искусственный интеллект не обладает совестью, не способен принимать во внимание нормы морали и давать оценку действиям людей на основании своего внутреннего убеждения.

Несомненная опасность искусственного интеллекта в его непредсказуемости. Даже если у искусственного интеллекта останется консультативное значение, она кроется в том, что судья может оказаться перед сложным профессиональным и моральным выбором, поскольку сгенерированное искусственным интеллектом решение может оказать значительное влияние на результаты рассмотрения уголовного дела.

¹⁵ Доклад Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ о цифровой грамотности в России // URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цифровая_грамотность_в_России (дата обращения: 18.10.2022).

¹⁶ См.: Доклад Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ о цифровой грамотности в России.

Если судья примет решение вопреки «рекомендованному» искусственным интеллектом, он берет на себя повышенный риск ответственности. В связи с этим возникает соблазн для судьи неохотно брать на себя дополнительное бремя, поскольку граничит с его личной ответственностью (дисциплинарной, моральной или уголовной)¹⁷. Искусственный интеллект программируется человеком (группой людей, технологическими компаниями), и при таком подходе, если судья доверится решению искусственного интеллекта, кто будет нести за него ответственность: непосредственный разработчик, компания, судья?

В уже упомянутой нами Европейской этической хартии выделен принцип пользовательского контроля. Согласно ему, судья должен иметь возможность не согласиться с решением, предложенным искусственным интеллектом, и принять собственное решение по делу, а участнику спора должна быть предоставлена возможность прямого обращения к суду без применения искусственного интеллекта и право оспорить принятое с помощью искусственного интеллекта решение. Поэтому искусственный интеллект, как нам кажется, может применяться при работе технического характера, которая не затрагивает сферу правоотношений, и уж тем более не становясь полноценным их субъектом.

Здесь вопреки принятым в юридической науке канонам хотелось бы обратиться к одному фантастическому произведению очень популярного в последнее время научного фантаста — А. Азимова, сформулировавшего еще в 40-х гг. предыдущего столетия три закона робототехники, первые два из которых звучат как: «Робот не должен наносить какой-либо вред человеческому здоровью, создавать угрозу жизни или своим бездействием допускать аналогичные последствия; роботу вменяется в обя-

зательном порядке исполнять приказы, отдаваемые человеком...»¹⁸. Сложно отрицать, что данные научно-фантастические идеи не лежат за пределами разумности и по сей день осмысляются в этико-юридической плоскости.

Так или иначе, использование предиктивных технологий не должно привести к изменению самой сущности российского уголовного судопроизводства. Как верно пишет Л. В. Головкин, «уголовный процесс и его участники, включая, разумеется, государственные органы, являются одними из потребителей коммерциализации достижений научно-технической революции... но такие преобразования не способны заменить классический уголовный процесс каким-то “новым уголовным процессом”»¹⁹.

Такое отношение к применению искусственного интеллекта позволяет говорить о том, что это наиболее перспективное направление, которое требует дальнейшего изучения и внедрения в различных областях науки. Главная проблема здесь состоит в том, что искусственный интеллект — это машина, подчиненная алгоритму, а уголовный процесс связан с судьбами людей. Здесь требуется многогранный анализ не только закона, но и правоотношений, складывающихся в результате совершения преступления.

Но готово ли общество и государство к подобного рода преобразованиям сейчас? Увы, ответ на этот вопрос еще долгое время будет предметом острых дискуссий, участником которых становится в том числе автор данного исследования. Может быть, нам нужна «твердая рука» для сильных преобразований. Однако с уверенностью можно утверждать, что такие трансформации носят характер научно-правовой революции, обусловленной четвертой промышленной революцией Industry 4.0, уже постучавшейся в дверь уголовно-процессуальной науки и практики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Азимов А. Эссе № 6. Законы робототехники // Азимов А. Мечты роботов. — М. : Эксмо, 2004. — 848 с.
2. Альбов А. П. Цифровые технологии в современной правоприменительной практике // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. — 2022. — № 2 (65). — С. 9–15.

¹⁷ Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях.

¹⁸ Азимов А. Эссе № 6. Законы робототехники // Азимов А. Мечты роботов. М. : Эксмо, 2004. С. 781–784.

¹⁹ Головкин Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 16.

3. Афанасьев А. Ю. Искусственный интеллект в уголовном процессе // Юридическая техника. — 2021. — № 15. — С. 571–574.
4. Гасанова Ш. Ш., Сулейманов Д. И. Искусственный интеллект и судопроизводство: проблемы и тенденции // Juridical Science and Education. — 2022. — № 66. — С. 35–50.
5. Годфруа Л. Алгоритмические модели анализа судебных решений (MAAD) // Государственная служба. — 2021. — № 4 (132). — С. 20–28.
6. Головкин Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция // Вестник экономической безопасности. — 2019. — № 1. — С. 15–25.
7. Малина М. А. Цифровизация российского уголовного процесса: искусственный интеллект для следователя или вместо следователя // Российский следователь. — 2021. — № 2. — С. 29–32.
8. Марковичева Е. В. Цифровая трансформация российского уголовного судопроизводства // Правосудие/ Justice. — 2020. — Т. 2. — № 3. — С. 86–99.
9. Момотов В. В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 5. — С. 188–191.
10. Приходько С. О., Калашникова Е. Б. Цифровизация судебной системы // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего. — 2020. — № 1. — С. 99–103.
11. Dondero B. Justice prédictive: la fin de l'aléa judiciaire? // Recueil Dalloz. — 2017. — № 10. — P. 532–538.
12. Épineuse H., Garapon A. Les défis d'une justice à l'ère numérique de «stade 3» // Enjeux numériques. — 2018. — № 3. — P. 16–19.
13. Hubert M. Les algorithmes prédictifs au service du juge: vers une déshumanisation de la justice pénale? Regards critiques de juges d'instruction // Faculté de droit et de criminologie, Université catholique de Louvain. — 2020. — 131 p.
14. Larret-Chahine L. L'éthique de la justice prédictive // Enjeux numériques. — 2018. — № 3. — P. 86–91.

Материал поступил в редакцию 10 декабря 2022 г.

REFERENCES

1. Asimov A. Esse № 6. Zakony robotekhniki [Essay No. 6. Three Laws of Robotics]. Mechty robotov [Robot Dreams]. Moscow: Eksmo Publ.; 2004. (In Russ.).
2. Albov AP. Tsifrovyye tekhnologii v sovremennoy pravoprimeritelnoy praktike [Digital technologies in modern law enforcement practice]. *Uchenye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata*. 2022;2(65):9-15. (In Russ.).
3. Afanasyev AYU. Iskusstvennyy intellekt v ugovnom protsesse [Artificial intelligence in criminal proceedings]. *Juridical Techniques*. 2021;15:571-574. (In Russ.).
4. Gasanova ShSh, Suleymanov DI. Iskusstvennyy intellekt i sudoproizvodstvo: problemy i tendentsii [Artificial intelligence and judicial proceedings: problems and trends]. *Judicial Science and Education*. 2022;66:35-50. (In Russ.).
5. Godfrua L. Algoritmicheskie modeli analiza sudebnykh resheniy (MAAD) [Algorithmic models for analyzing judicial decisions (MAAD)]. *Public Administration*. 2021;4(132):20-28. (In Russ.).
6. Golovko LV. Tsifrovizatsiya v ugovnom protsesse: lokalnaya optimizatsiya ili globalnaya revolyutsiya [The Digitalization in criminal procedure: local optimization or global revolution?]. *Vestnik of Academy of economic security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019;1:15-25. (In Russ.).
7. Malina MA. Tsifrovizatsiya rossiyskogo ugovnogo protsessa: iskusstvennyy intellekt dlya sledovatelya ili vmesto sledovatelya [Digitalization of the russian criminal procedure: artificial intelligence for an investigator or instead of an investigator]. *Russian Investigator*. 2021;2:29-32. (In Russ.).
8. Markovicheva EV. Tsifrovaya transformatsiya rossiyskogo ugovnogo sudoproizvodstva [Digital transformation of russian criminal proceedings]. *Pravosudie [Justice]*. 2020;2(3):86-99. (In Russ.).
9. Momotov VV. Iskusstvennyy intellekt v sudoproizvodstve: sostoyanie, perspektivy ispolzovaniya [Artificial intelligence in litigation: state and prospects for use]. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2021;5:188-191. (In Russ.).

10. Prikhodko SO, Kalashnikova EB. Tsifrovizatsiya sudebnoy sistemy [Digitalization of the judicial system]. *Interdisciplinary Research: The Experience of the Past, Opportunities of the Present, Strategies of the Future*. 2020;1:99-103. (In Russ.).
11. Dondero B. Justice prédictive: la fin de l'aléa judiciaire? *Recueil Dalloz*; 2017.
12. Épineuse N, Garapon A. Les défis d'une justice à l'ère numérique de «stade 3». *Enjeux numériques*. 2018;3:16-19.
13. Hubert M. Les algorithmes prédictifs au service du juge: vers une déshumanisation de la justice pénale? Regards critiques de juges d'instruction. Faculté de droit et de criminologie, Université catholique de Louvain; 2020.
14. Larret-Chahine L. L'éthique de la justice prédictive. *Enjeux numériques*. 2018;3:86-91.